

РАССКАЗЫ

БОТИКИ

Маме

— Не обменяла.

Вера положила газетный сверток на стоящую у двери тумбочку, а сама прислонилась устало к дверному косяку. Старая газета лопнула, и свободу получили новенькие «лакиши» — мамин подарок на окончание школы.

— Ну и что, — ответила сестренка. Она сидела около буржуйки и раскладывала на ней маленькие хлебные квадратики. — Просто сейчас зима.

— Мамино-то крепдешиновое платье в тот раз взяли.

— Ага, за шрот противный. Ты совсем не умеешь меняться, Верочка. Я же тебя учила, как надо.

Лиде было десять лет, но она как-то быстро стала взрослой и житейски мудрой. Вера во многом ее слушалась. Лида ходила за хлебом, доставала деревянные на растопку, получала каждый месяц карточки в красном уголке, знала всю местную шпану, промышлявшую около очередей, и держала ухо востро.

— Кому-то понадобилось зимой крепдешиновое платье, — продолжала Вера, чувствуя, как набравшийся в нее холод начинает уходить.

— Иди скорей сюда, — сказала Лидочка. — Смотри, на детскую карточку сегодня горох дали. Я его намочила, только он долго набухать будет.

— Го-рох, — мечтательно проговорила Вера, направляясь к стоявшей рядом с оттоманкой буржуйке. Медленно развязала на спине бабушкин пуховый платок, расстегнула воротник пальто. — Как замечательно. Вот бы супу горохового... Или, ладно, кашу.

— Конечно, кашу! И вовсе не замечательно! Горох привару не дает, — возразила Лида.

— Чего не дает? — удивилась Вера.

Аглая Юрьева родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский государственный университет. Кандидат филологических наук. Одна из авторов многотомного «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.», многочисленных работ по истории русского языка, этнолингвистике и фольклору, а также учебно-методических пособий по культуре речи. В 2013 году окончила докторантуру СПбГУ. Работала старшим научным сотрудником в отделе Словаря языка М. В. Ломоносова в Институте лингвистических исследований РАН. Преподавала риторику и культуру речи в Северо-Западной академии госслужбы. Лауреат двух конкурсов «Самарские судьбы», призер 4-го конкурса им. В. Г. Короленко; призер драматургических конкурсов: «ЛитоДрама-2016», «Волошинский фестиваль» (2016), «Ремарка» (2016). Конкурса неправильной драматургии НИМ (2017), Конкурса подростковой и детской драматургии ASYL (2018) и др. Печаталась в журналах «Крым», «Урал», «Сценарии и репертуар», «Клуб: Творчество. Общение. Интересы». Несколько пьес были поставлены в народных и учебных театрах РФ. С 2016 года член Гильдии драматургов Санкт-Петербурга.

- Ну, привару... Вот пшенка — совсем другое дело.
- Ох, Лидуша, какая же ты взрослая, — Вера притянула сестренку к себе, но та высвободилась.
- Подожди. Вот тебе кипяток, грейся изнутри.
- Ты просто греешь воду на буржуйке? Это же опасно — пить некипяченую.
- Да кипятила я, кипятила. Утром вскипятила на плите... Потом еще посидела на ней, погрелась... Что зря теплу пропадать! А сейчас я кипяченую только разогреваю.
- Разогретая вода, — засмеялась Вера. — А кружка жестяная откуда?
- Да это Панина. У нее в кладовочке нашла. Она хорошо тепло держит... Не обожгись только.

Паня, вынырившая сперва Веру, а потом и Лиду, так и осталась жить с ними. Хотя ее и считали членом семьи, но она с деликатностью, которая была присуща в то время некоторым выходцам из деревни, в родственники никогда не набивалась. Когда Лидочка подросла, Паня перестала ночевать в сестринской комнате, а попросила себе место в кладовочке. Там ей поставили раскладушку с матрасиком, стул (а больше ничего и не поместилось), а инженер Соколов провел в кладовку свет. Дверь в кладовку никогда не закрывалась, на нее Паня сперва повесила ситцевую занавеску из старой кофты, а потом ее заменили старой шторой. Родственники у Пани оставались в деревне, очень редко ей приходили от них письма — обычно к Пасхе. Девочки зачитывали ей длинное «Поздравляем с праздником со светлым христовым воскресением христосвосресе и провести хорошо этот праздник христосвоскресе», а потом Лида писала такой же ответ и сильно сердилась: «Паня, это уже было, давай дальше!»

В мае вдруг Паня засобиралась к своим: «А то умру, не повидавшись». Сложила целую коробку гостинцев. «Раньше дожинок не вернусь». И уехала. В родную деревню. Под Смоленском.

Кипяток обжег губы, потом горло, добрался внутрь. Вера стала отхлебывать воду большими глотками. Потянулась к хлебному квадратику.

— Сегодня в очереди Копченый у кого-то карточки украл, — спокойно сказала Лида. Макнула палец в стоявшую рядом пачку крупной соли (от Паниных засолок) и облизала.

- Вот горе-то! А кто это, Копченый?
- Шибздик махонький, — ответила Лида, точь-в-точь как Паня.
- Почему Копченый?
- Ну, лицо у него такое... как печеное... ну... в общем, Копченый — и все.
- Ты поаккуратней, Лидуша. Ты девочка, а хулиганов много.
- А я руки в карманы, там у меня кошелек и карточки, а пальто-то у меня колокольчиком, так я им оборачиваюсь, как одеялом.

Вера не поняла.

- А еще, — продолжала Лидочка, — я сегодня испугалась. В углу светилось.
- Что там светилось? — встревожилась Вера.
- Ага! И ты бы испугалась. Дрова мои светятся.
- А-а, это гнилушки.
- Я потом поняла... Мокрые они, копят... Вот стульчаки горят — это да!
- Ты сожгла наш стульчак?

— Нет, не наш. Зачем наш-то. Дом же напротив разбомбило позавчера. Мы с Маней Быстровой туда полезли... ну, паркета набрать или дранки... Манька плитус оторвала, а я — два стульчака. Вдруг слышим, милиционер как засвистит: «Кто там ходит?!» Мы дёру дали. Он по одной лестнице, а мы через весь этаж прошли — и по другой спустились.

— Ох, Лида, он же мог вас в милицию забрать. Или застрелить, — всполошилась Вера. — Дай мне слово, что не будешь туда больше ходить.

— Да теперь и не походишь туда, — как-то печально ответила Лида. — Там веревками огородили и милиционер ходит целый день.

Лида, посасывая кусочек хлеба, прижалась к Вере. Так тепло и хорошо. И никому не страшно. Вера вообще была трусиха. Первый раз пошла на барахолку — чуть не умерла от страха. Стояла с дедушкиным брегетом. Вдруг какой-то мужчина с перевязанным ухом к ней подошел. Ткнул в брегет: «Ты-то ва-ты ты-ты?» Вера подалась назад, а мужчина напирал. Она повернула — и бежать, расталкивая тех, кто стоял с вещами на продажу. Мужчина ускорил шаг и не переставал: «Ты-то ва-ты ты-ты? Ты-то ва-ты ты-ты?» Вера влетела в милиционера. Из глаз брызнули слезы. Ее преследователь, увидев милиционера, замедлил шаг, но подошел. Вера спряталась за спину постового. Мужчина начал размахивать руками, нечленораздельно что-то объясняя. Потом повернулся и ушел. Милиционер успокоил Веру: ничего страшного, этот человек контуженный, он спрашивал ее: «Это ваши часы? Это ваши часы?» Правда, почему он это спрашивал, они так и не поняли. То ли хотел выменять на что-то, то ли у него украли такие же часы. В тот раз Вера вернулась домой, дрожала весь вечер и два дня заставляла себя снова пойти на барахолку с брегетом.

— Вер, расскажи, как вы жили до меня, — Лида нырнула под полу расстегнутого Вериного пальто.

— Ну что ты, Лидуша. Какая же жизнь была без тебя, — пошутила сестра.

Во входную дверь постучали. Потом еще. Вера вздрогнула.

— Зачем стучать-то, есть звонок, — рассудительно сказала Лида.

— Звонок не работает.

— Старый, железный работает. Тот, который «Прошу повернуть».

— Он холодный и замерз.

Вера направилась к двери. «Спроси кто», — крикнула вслед сестренка.

Через минуту в комнату впереди Веры вошла управдом тетя Лиза.

— Почему не спрашиваешь кто?

— Потому что на четвертый этаж никто не полезет, — тут же заступилась Лидочка за сестру.

— Мало ли кто шастает. Вон в доме напротив мародеры. Не успели эвакуировать уцелевших — и нате — тут же нашлись. Позариться на чужое.

Вера с Лидой переглянулись.

— Ты вот что, девонька, собирай-ка сестру. Завтра последняя эвакуация. Детей отправляют. Надо еще Люську с пятого снарядить, тоже без матери осталась... Тепло побольше. Кружку, миску, карточки не забудь.

— Я никуда не поеду, — крикнула Лида.

Тетя Лиза только отмахнулась от ее крика и продолжала говорить с Верой. Та взглянула на сестру. Сколько отчаяния и боли увидела она в этих глазах! Эвакуация может стать для Лиды спасением. Сколько еще сил осталось в этой хрупкой сероглазой и вечно болеющей до войны девочке?! Но как же тяжело расстаться с ней. Она в разлуке тоже может умереть. На глазах у Лиды выступили слезы. Беззвучная мольба, обращенная к старшей сестре.

— Нет, тетя Лиза... не отправлю.

— Да ведь обе погибнете, — жестоко возразила управдомша.

— Ну... зато вместе... вместе.

Тетя Лиза фыркнула и насупилась.

— Вы мне лучше помогите на работу устроиться. Денег у нас совсем нет, а квартплату приносят... Я на все согласна... Я на Балтийский ходила, не взяли. Сказали, что дистрофиков у них и своих хватает.

— Ишь, хватает! — возмутилась тетя Лиза. — А где ж кормлёных-то взять. Ладно, поговорю с Васей, участковым... Ну, закрой за мной... А мне еще к Люське подняться надо. А потом к Бурлякиной, завтра ее дежурство. И ты готовься дежурить, нечего уже отсиживаться... И вот еще что... Саки свои выносите подальше от дома.

Закрыв за управдомом, Вера захотела заплакать, но слезы не потекли. А когда она вошла в комнату и увидела повеселевшую Лидочку, то плакать и вовсе расхотелось. Лидочка затараторила. Это была радость птенца, узнавшего, что он может не только летать, но и петь.

— Веруша, как хорошо, что ты сказала. Мы будем вместе. Только мы не умрем. Нет, ни за что не умрем. Я же знаю... А Люська написала на стенке: «Сегодня прилетал самолет. Завтра будут бомбить»... Знаешь, как Люська ходит? — Лидочка поднялась, согнула немного колени и двинулась боком. — Шагнет. А-а-а! Орет. Потом еще. А-а-а!

— Это цинга. Бедная Люся.

— А у нее мама умерла в начале месяца. А наша — двадцать седьмого декабря.

— Да-а, — протянула Вера, но заплакать опять не получилось.

— И Люська почти целый месяц по ее карточке хлеб получала!

Вера словно очнулась. Она схватила Лиду за плечи. Через две шерстяные кофточки и фланелевый «пыж» прощупывался острый костяк.

— Лида, что ты говоришь? Это цинично!

— Это как? Плохо, да? Плохо?

— Плохо, — вздохнула Вера и, поцеловав, отпустила сестру. Вот так: плохо и хорошо за несколько минут. Плохо и хорошо.

— Я — спать! — сказала командным тоном Лидочка. — Завтра утром за хлебом пойду. Если прийти часиков в шесть, то можно занять очередь прямо у дверей. Тогда не надо будет по ступенькам подниматься.

Карточки жильцов были прикреплены к определенным магазинам. На их долю выпал универмаг. Совсем близко. Это до войны. А сейчас по снежным тропкам надо было ковылять через дорогу. Универмаг располагался в бывшей церкви. На церковь он был теперь мало похож. Вход в магазин по высокой обледенелой лестнице. Спуск — с другой стороны. Улочка, на которой располагался универмаг, коротенькая, всего метров двести. И наполовину ее — очередь. Черным утром тянулись к универмагу черные люди. И стояли, стояли...

— А ты завтра за водой не ходи. Снег выпал чистый... Вон там, в середине двора.

— Там нельзя. Туда выносят.

— С другой стороны зайди. Или до садика дойди, — командовала младшенькая. — И Люське завтра помоги спуститься, а то она «а-а-а» не сможет.

Отдав приказания, Лида стянула свои валеночки, развязала платок, который перехватывал ее крест-накрест, и нырнула под наваленные на оттоманку одеяла и мамин зимнее пальто. Вера подоткнула сестренку одеялом и оставалась сидеть, глядя, как прогорают в буржуйке остатки чьего-то стульчака.

Они бы непростительно проспали, если бы не соседка Нюра. Когда инженер Соколов вместе с семьей въезжал в новое жилье, в завкоме решили: пока не главный, хватит им и двух комнат. Через месяц Соколов стал главным, а в третью комнату

въехала Нюра, крепкая, коренастая девица — румяная, с белесыми бровями и ресницами. Нюра была малоразговорчивая, поэтому сколько Паня ни старалась выудить у нее, откуда она и как сюда попала, ей так не удалось. Вера как-то слышала, как Паня назвала Нюру нехорошим словом — ну и все. Гостей Нюра не любила, в выходные уходила и возвращалась за полночь. Была аккуратна, но хребта в общих уборках не ломала. Помашет веником раз в неделю («Я одна — и то все время на работе, а вас вон сколько») — и сдаст свою неделю Соколовым. А им вести очередь полтора месяца.

Нюра тихонько открыла входную дверь, потом — свою. Все равно слишком темно. На Нюре клетчатый платок поверх модной шляпки-таблетки и черная тужурка. Работницы домой не уходили: силы берегли. А Нюра нет-нет да приходила. По женским всяким делам. «Вы делаете, а я только учитываю», — говорила она остальным.

Она опустила на стоящую у дверей галошницу, передохнула. Идти все равно пришлось далеко, а поспать, может, и не придется. Начала одним валенком стягивать другой. Валенки сполз вместе с размотавшейся портянкой. А под ним еще шерстяной носок. Эх, валенки привычнее на босу ногу! Тепло в них, да ногу давит, не растоптать, сколько ни носи.

Ногам стало легче. Нюра поводила по галошнице рукой. Нету. Вглубь засунула — нету. Вот дряни! Поднялась и подошла к двери девочек. В одном валенке.

Сестры проснулись от стука. Нюра всегда стучала и, не дождавшись ответа, входила. Раньше всегда за какой-то ерундой: спички попросить, цветок посмотреть. И обычно, когда Соколовы садились обедать. Одним глазом Нюра смотрела на диковинный кактус, а другой наблюдал, что едят инженеры. Только Паня прервала эти визиты, буквально вытолкнув Нюру с порога.

Вера выпрыгнула из постели.

— Что случилось?

— Нет, это я хочу спросить, что случилось. Куда девала мои меховые ботики, а? Небось на барахолку снесла? Ну конечно, свои-то «лакиши» жалко, — кивнула на тумбочку. — Ну-ка говори: снесла на барахолку, снесла?! Надо же, с воровками живу, оказалось!

Вера открыла рот и, словно рыба, глотала воздух. Еле выговорила:

— Что ты такое говоришь, Нюра! Как ты могла подумать?

— А чего тут думать-то? — завелась Нюра. — Свое проели — за чужое принялись. Оно и понятно: ботики меховые, только-только перед войной куплены, признавайся, за сколько обменяла. Поделись хлебушком-то!

Выпятив грудь и поставив руки в боки, Нюра наступала на Веру. Вера по-прежнему с открытым ртом пяtilась.

Лидочка выбралась из-под одеяла, сидела насупившись и сжав кулаки. Нюра сделала еще один шаг — и алюминиевая кружка, запущенная Лидой, полетела в нее. Ударилась о косяк, отлетела в угол, подкатилась от угла Нюре под ноги.

— Уйди, б...на! Сама ты воровка!

Вера охнула и присела — то ли от Лидиногo поступка, то ли от бранных слов.

— Ты сама у меня стружки на растопку тыришь. Проваливай отсюда. Не брали мы твои сраные боты!

Нюра подобралась, оскалилась, словно собиралась искушать всех.

— Ишь, дрянь малолетняя, — Нюра пнула кружку. — Инженерское отродье. Вот скажу участковому, там разберутся, сраные боты или не сраные. И управдому скажу, пусть выселяет, за жилье раз не платите.

Хлопнула чужой дверью. Вера упала на оттоманку.

— Верунь, ну Верунь, не надо, — Лида гладила сестру по голове, успокаивая. Вера плакала. Вот так. Хотела плакать — не плакалось, а тут — не остановиться.

— Подумать только: мы в воровки попали. Столько лет вместе жили, двери друг от друга не закрывали...

— Это мы не закрывали, — перебила сестра, — а Нюра свою всегда закрывала... Ну, перестань... врёт она все.

— Но куда-то же делись ее проклятые боты! — всхлипывала Вера.

— Ай, да никуда они не делись. Они в кухне на плите стоят. Она думала, я плитку буду разжигать, так боты хотела погреть. Умная какая! Стану я ее боты греть! А увидела, что я мешок со стружками убрала, сама-то не стала топить. А потом на работу ушла на неделю и забыла.

— А чего ж ты ей не сказала? — Вера приподнялась, вытерла слезы.

— Пусть сама ищет свои дурацкие боты!.. А ты знаешь, Верунь, у Нюры вся комната бочками с селедкой заставлена.

— Лидуш, ну что ты выдумываешь-то! Бочки! С селедками!

— И ничего я не выдумываю, — упрямо настаивала Лида. — Она в мусор кости выносила с селедочными головами. А я ей говорю: «Нюр, не выбрасывай, а. Дай я обсоку». А чего, Верунь, они же соленьюшки. Можно даже суп варить.

— А она что?

— А она: «Что ты! Головы и кости ядовитые». И в печке их сожгла. Чтобы я не достала! Вер, разве кости у селедки ядовитые?

— Нет. Не знаю...

— А я знаю. Жадная она. Знаешь, как про нее наша Паня говорила: «Посерет и посмотрит, нельзя ли взять на квас».

— Что?

— Ага.

Обе фыркнули от смеха.

— Лида, ну ты и нахваталась слов! Как нехорошо, ты же девочка! Все папе напишу.

— Пиши-пиши, ябеда-корябеда, я тоже ему напишу, что ты плакса-вакса-гуталин...

Тетя Лиза поговорила с участковым, и Вере было велено прийти в отдел кадров маленького номерного завода, о существовании которого она и не подозревала. Лида радовалась, что Вера теперь будет получать рабочую карточку и будет делать снаряды для фронта. Но Вера вернулась расстроенная.

— Лидуш, меня отправляют на оборонные работы. Отпустили домой собраться. Так-то, Лидуша...

— А как же я? — отчаянно закричала Лида. — Вера, как же я без тебя? Я не хочу одна. Мы же вместе, ты говорила, — и зарыдала.

— Лидочка, милая моя, потерпи немного, — у Веры блеснули слезы, но она понимала, что сейчас нельзя, и только закусывала губы. — Я обязательно договорюсь, чтобы тебя забрать с собой!

— Почему ты сразу не договорилась? Почему?! — захлебывалась Лидочка.

— Я не знаю... Нам просто приказали. Приказ, понимаешь?

Лида отрицательно мотала головой. Зачем приказ! Они должны быть вместе. Только вместе.

— Господи, ну почему я тетю Лизу не послушала и не отправила тебя в эвакуацию! Лидочка, я обязательно-обязательно за тобой приеду. Я-то как без тебя буду?!

Ты только чуть-чуть потерпи... совсем чуть-чуть... Как приеду, сразу спрошу про тебя. И вернусь за тобой. А ты жди письма от папы. И будь осторожна... Ой, уже пора. Что нужно брать, не знаю...

Лида как-то сразу перестала плакать, подобралась. Стащила наволочку. «Давай, Вера, носки клади, белье, вот кружка». Потом сунулась в угол, на собранных палках, щепках и деревянных обломках лежали большие рукавицы, подшитые изнутри мехом.

— Вот их возьми. Тоже Панины. Потом вернем... Они теплые. А мне все равно велики.

Вера вернулась за сестрой через месяц — в смешных ватных штанах, с руками в дыпках и шелушащимися щеками. Сестры обнялись и долго не отпускали друг друга. Вера рассказала, как поначалу было трудно, как над ней смеялись все оборонщицы за то, что ничего не умеет, и как прозвали ее барынькой в фильдеперсах. Сейчас уже все хорошо, они все на котловом питании, и Лидочку тоже поставят на котловое, нужно только детскую карточку обменять на иждивенческую, и она попросит об этом тетю Лизу, а некоторые из женщин там тоже с детьми, чуть постарше Лидочки.

Какая жестокая закалка на зрелость, на самостоятельность, на ответственность за других. Вера — трусиха и плакса — распорядилась теперь всем. Теперь она стала главной в их семье.

— От папы писем не было?

— Нет.

— А ведь он так и не знает про маму...

— Пусть сначала он напишет...

— Хорошо. Пусть он сначала.

Когда началась эвакуация завода, главный инженер велел семье собираться в эвакуацию. Ему да директору с парторгом разрешено вывезти всю семью целиком. Но тут впервые жена Соколова возразила мужу, заученно повторяя: «Где родился, там и пригодился». И Лиду она никуда не повезет, потому что у нее вечные ангины. Вера робко возразила, что папе нужно, чтобы кто-то из родных был рядом, но мама просто испепелила Веру взглядом, и та замолчала. Настоящей причины маминого отказа девочки так и не узнали, но дело было, скорее всего, в уже начавшейся болезни, которую усугубила блокада. Мама умерла перед Новым 1942 годом. Это была уже вторая потеря в семье...

— А еще немцы листовки скидывают, мы их собираем и сдаем нашему начальнику отряда.

— Какие листовки?

— Вредные. С картинками на Сталина, — Вера понизила голос.

— А написано по-немецки?

— Нет, по-русски. Предатели пишут.

Лида не случайно спросила про немецкий язык. К окончанию школы Вера вполне сносно им владела. Дедушка, мамин отец, был германофилом: обожал Вагнера и Гёте, читал внукам по-русски и по-немецки Гейне (Хайне, как он любил называть). Вера морщилась: Гейне ей не нравился. Лида прыскала в ладошку и смеялась. Дед науськивал покладистую Веру на глагольные времена, говорил с ней о новостях по-немецки, рассказывал о Тельмане, выступление которого слышал во время командировки в Германию, заставлял вслух ему читать «Лесного царя» Гёте. Он пробовал заняться и с Лидочкой, но та наотрез отказалась, мол, в пятом классе начнется немецкий, тогда и выучу. Но фраза из Гёте «Зиист, фатер, ду ерлкёних нихт?» осталась в ее голове навсегда.

Узнав о нападении Германии, дед на следующий день слег, два дня пролежал, уткнувшись лицом в стенку, потом поднялся, но все время молчал, а ранним и жарким утром в начале июля скончался.

— Эх, я бы им написала! — воскликнула Лидочка. — А ты бы мне перевела!

— Перевела бы, перевела. Собирайся.

Трудотряд долго стоял в Большой Березовке под Синявином... А потом шли целый год за фронтом. Мелькали деревни. Разметелево, Мяглово, Пустоши... А может, и не в том порядке. Разве до этого было. Обычно трудотряд был един, но в одной из деревень произошло слияние двух отрядов. Женщин было много. Своих сразу отправили на объект, а остальным велели располагаться в сарайчике.

— Лидуш, иди с тетеньками, занимай место, — Вера сунула сестре свою наволочку с вещами.

Женщины, оттесняя Лиду, повалили в сарайчик, в котором по обе стороны были набиты нары. В центре находилась небольшая печка. Кто-то зажег фитиль коптилки, кто-то разжег печку. Лида стояла у дверей с двумя узелками и ждала, где освободится место. Она почувствовала, как начал выходить холод. Очень хотелось поближе к печке. Но там было все занято. Женщины начали укладываться. Почти все молчали, мало кто с кем перекидывался фразами. Видимо, они еще не были знакомы.

— Девочка, — раздался голос, — ну-ка иди скорей сюда.

Лиду позвала женщина, занявшая место прямо около печки. Вот так счастье! Лида прошла между рядами нар.

— Иди сюда, ложись, спать будем, — тягуче ответила женщина. — Вот, к стеночке.

Лида влезла на нары и протиснулась между стенкой и этой тетенькой. Да-а, место было замечательное. Одного не учла эта тетя, что доски в сарайчике отошли, а часть и совсем выбита. Вот эту дыру она и заткнула Лидиным тельцем. Женщина была крупная, с огромными руками. Лида хотела отвернуться лицом к стенке, но было слишком тесно. В спину дуло, но спереди было жарко от чужого дыхания. Лида замерла — и незаметно уснула.

Проснулась она, потому что хотелось в уборную. Она сползла с нар, чтобы не разбудить свою добрую соседку, которая лежала теперь навзничь и громко сопела. В бараке кое-кто похрапывал. Лида начала пробираться в темноте (коптилка давно погасла), споткнулась обо что-то и чуть не упала.

Она вышла из сарая. Только-только забрезжило. Вдалеке виднелась деревянная уборная с протоптанной к ней тропинкой. Лида, недолго думая, завернула за угол. Все равно все спят и никто не видит. За ночь, несмотря на то что она проспала затычкой для этой тетки, она отогрелась. Скорее бы вернулась с дежурства Вера. Лида села на приступочку у сарая, сунула руку в карман и нащупала там кусочек хлеба. Это Вера заботливо подсунула ей в карман, а не сказала. Она вытащила кусочек и стала, как обычно, его сосать.

— Чего поднялась-то в такую рань?

Сначала Лида увидела боты. Почти такие, какие были у Нюры, — блестящие и с пуговкой. Только у Нюры одна пуговка и меховой отворотик, а тут пуговики две — и мех только внутри.

Лида задрала голову и увидела тетку, с которой спала на нарах.

— Я в уборную ходила, — ответила она.

— А, ну и я туда. Где уборная-то?

— Там, — Лидочка махнула рукой.

Тетка заспешила. Тропка была очень узкой, неровной среди высокого снега, проложенной разной обувью разных размеров. За ночь она изрядно заледенела, тетка постоянно поскользывалась и даже чуть не упала. Матюкнувшись, она скрылась за перегородкой. Обрато она возвращалась распаренная, словно была не в холодной уборной, а в горячей бане, материлась, что все заледенело, доски гнилые и скользкие, ни встать, ни сесть.

— Идем, что ли? Еще поспим, — тронула она Лиду за плечо. Лида дернула плечом и мотнула головой. Нет уж. Утром холодно. Печка остыла. Затыкай сама собой дырки.

Тетка снова матюкнулась и вернулась в сарайчик.

Тетку звали Зинаидой. Но про себя Лида окрестила ее Ньюрой. Второй Ньюрой. Вторая оказалась хуже первой. Всех цепляла.

— Таська, ты зачем маскхалаты кровавые подбираешь?

— А затем, Зиночка, что выбелю их в щелоче, детушкам рубашоночки нашью. Да простыньки. Всё проели, всё. Ни простыночки, ни наволочки не осталось.

— Совсем свихнулась, что ли?

Бригадирша хватала Вторую Ньюру:

— Орясина, не видишь, баба не в себе. На глазах детей убило. Хотели перебраться в другую комнату, где теплее. Детей туда перевела. Вернулась за вещами, а в ту, где теплее, снаряд угодил.

Зинаида фыркала и не унималась.

— Катерина, а чего это к тебе наш капитан зачастил? Смотри, станешь для всех пэпэжэ.

Но больше всего она убивалась по своим нарядам, которые остались в Ленинграде. И если какая-то с... их украдет, она ее из-под земли достанет, на одну ногу встанет, а за другую разорвет.

— А платье крепдешинное у вас есть? — вдруг неожиданно спросила Лидочка.

— А как же! Целых три. А одно еще не надетое даже. Ой, а ботики-то, ботики. Весь блеск уже облез... И вон пуговичка еле держится. (Как хотелось Лидочке закинуть куда-нибудь ее ботики — в уборную или в дальний сугроб.) Товарищ начальник, почему я в своих ботиках должна работать? Валенки не могут выдать. Тоже мне армия...

Тут ей пригрозили нешуточно. Она заткнулась и после этого бубнила недовольства себе под нос.

В этот день было подозрительно тихо.

— Знаешь, — сказала Лидина приятельница Геля, опалившая себе брови и ресницы в попытке разжечь печку, посыпав немного пороху, — почему становится тихо на войне? Потому что один убил другого.

И вдруг они услышали крик. Не ужаса, не страха, не отчаяния. Это был вопль радости. Девчонки выскочили из землянки и увидели, как взрослые тетеньки обнимаются, целуются, валят друг дружку в снег, устраивают кучу-малу. Прорвали! Прорвали блокаду! Подружки завизжали и кинулись в кучу-малу.

Домой они вернулись в марте. Их дом почти не пострадал от бомбежек, но в комнате около окна стены были покрыты инеем. Лида готова была броситься на поиски дровишек, но Вера ее остановила:

— Попробуем разрубить тумбочку.

— Нет, — возразила Лида, — ее не разрубишь. Этажерку было легко, а тумбочку — нет.

На пороге своей комнаты возникла Нюра.

— Здравствуй, Нюра, — сказала Вера.

— С приездом, — сухо ответила она. — Вернулись, значит.

— Ох, вернулись. Вот только надо протопить хорошенько.

— Да уж, топите, — сказала Нюра. — Холодно совсем в квартире. А я выходной получила первый раз за полтора года... Хотела в баню сходить, да опять там трубы перебило, никак наладить хорошо не могут... Слышь-ка, — позвала она Веру, — ты это вон что... Приходил тут... в общем, был у меня... Сергей Сергеич... офицер... сказал, в комендатуре служит... жениться собирался.

— На ком? — с удивлением встряла Лидочка.

— На мне, глупая какая... А потом оказалось, что не офицер, а прохвост. Исчез. Вместе с вещами. Чернобурку прихватил, селетки банку, балерину фарфоровую... надо же... я в тряпки замотала, чтоб не разбилась... нашел, гад... И ботики. Помнишь, ботики у меня были меховые? Перед самой войной купила... Эх...

— Ботики, опять ботики, — пробормотала Лида. — С ума сошли со своими ботиками.

— Да не может офицер так поступить! Наверное, попал под обстрел, — ответила Вера.

— Вместе с фарфоровой балериной... Да уж... Да что балерина... Ее не наденешь. Ботики, чернобурка... вот жалко.

Вера вспомнила, как в начале блокады она меняла патефон на продукты. Пришел какой-то военный, сказал, что патефон для генералов штаба, сейчас при нем только кусок шрота, а после он принесет буханку хлеба, тушенку и шоколад. Не принес. Вера думала, что попал под обстрел или послали на задание.

— Вы у себя-то посмотрите, не взял чего. Вы ж дверь никогда не закрываете.

— А у нас и нечего, мы все проели. — Вера вошла в комнату и тотчас вернулась. — Правда, «лакишей» моих нет.

— Ну, хоть не только мне обидно, — ответила Нюра.

— А писем нам от папы не было?

— Вон на столе в кухне одно лежит.

Вера отправилась в кухню, а Лида — в большую комнату. Но она оказалась закрытой.

— Почему закрыта? — удивилась она.

— Другие там живут, — холодно сказала Нюра. — Поселили.

— Там же наши вещи... книги дедушкины, — Вера вернулась из кухни с конвертом в руке.

— На немецком языке, — добавила Лидочка.

Нюра хохотнула:

— Ну, эти-то уж точно сожгли.

— Там «Лесной царь» Гёте, — гневно возразила Лидочка.

— Все они фашисты! — отрезала Нюра.

Вера вздохнула.

— Одно письмо. А больше не было?

— Было бы — положила на стол. Мне чужого не надо, — злобно сказала Нюра.

Зазвенел звонок. Тот, который «прошу повернуть».

— Ну, девоньки, с возвращением, — тетя Лиза, совсем исхудавшая, измученная.

Поздоровались.

— Тетя Лиза, почему в нашей комнате чужие? — спросила Вера.

— Не чужие они, свои. Из флигеля. Приказали разместить.

— А вещи наши?

— Да какие там у вас вещи. Пустые шкафы — и те без дверец. Все на растопку пустили.

Нюра почему-то сразу ушла в свою комнату.

— Я вчера почтальонку встретила. Говорит, Лиза, сил нет подниматься на четвертый этаж, передай соседям. Вот, — тетя Лиза протянула Вере желтовато-серый конверт, но Лидочка, подскочив, опередила.

— Нет, этот мне, мне!

— Отдай, говорю, — сказала тетя Лиза. Но Лидочка уже приплясывала, размахивая над собой конвертом. Управдомша махнула рукой: разбирайтесь сами со своими письмами.

Заиграла гармошка. Это — в квартире тети Лизы.

— Ой, дядя Леша с фронта вернулся? — спросила Вера.

— Вернулся. Контуженный сильно. Вот теперь целыми днями мне душу рвет.

— Ты-то ва-ты ты-ты, — в сторону прошептала Лидочка. А из соседской квартиры несло:

Лиза, Лиза, Лизавета,
Я люблю тебя за это,
И за это, и за то,
Что ждала меня с фронто-о-о-а.

Игралось одно, пелось невпопад...

Лида потянула сестру в комнату. Скорее же, ну, читать письма от папы! Девочки ушли. Управдомша тяжело опустилась на Ньюрину галошницу и достала из оттянутого кармана кофты папиросы. Задымила.

— Ишь, пахитоски, — Ньюра показалась опять.

— Бери, — протянула ей Лиза пачку.

— Да я только что, — ответила Ньюра, но папиросу вытащила.

— Как девчонки повзрослели. Вера так совсем взрослая стала... А моя все сидит. Я ей говорю: ходи, ходи, а она все сидит. Пятнадцать лет, а на себе не носит. И у меня «гостей» уже полгода как не было. Видать, война всю бабью сущность уничтожает... И Алешу моего вчера одна баба шлепнутым назвала... Ох, как я со всеми с ними буду. Ну, пошла.

Она поднялась и пошла к дверям. Туда, где надрывался ее Алексей:

Лиза, Лиза, Лизавета,
Я люблю тебя за это,
И за это, и за то,
Что заштопала пальто.

Закрыв за ней, Ньюра приблизилась к двери и стала слушать. Сестры вслух читали письмо от отца. Лидочка хихикала: папа умел смешно говорить и писать.

Вера дочитывала: «Поздравляю вас с Новым годом. Надеюсь, что скоро смогу обнять вас всех. Целую. Папа... Двадцать шестое декабря сорок первого года... Сорок первого года?.. Пришло, когда мы уехали. Почти год пролежало».

— Да. Двадцать шестого мама еще была...

— Давай второе читай, — со вздохом сказала Вера.

— Сейчас, — Лида надорвала конверт. — Тебе-то вон какое толстое досталось, а мне... Ой, что это?

— Что? — Вера потянула письмо к себе. — «Уважаемая Елена Сергеевна! С глубоким прискорбием извещаем, что ваш муж Соколов Григорий Павлович скончался

17 января 1943 года. Секретарь парторганизации Чириков Е. Н. Председатель завкома Семенов С. А.».

Вера охнула. Лидочка деревянно слезла с оттоманки и пошла к занавешенному окну.

— Лидочка! — простонала Вера. — Нет папы!

— Нет папы, — эхом отозвалась Лидочка.

— Что же, Лида?! Как же так? В нашем родном доме, в родном городе... Сорок первый, сорок второй, сорок третий... А конца утратам все нет. Кого еще мне терять? Лида, Лида, почему ты молчишь?

Вера направилась к сестре и стала ее сильно трясти за плечи. Так трясти, словно из мешка вытряхивала пыль. Лида молчала.

— Почему ты все время молчишь, Лида? Почему ты все время молчишь? — кричала Вера.

Лида задрала голову. Так обычно делают дети, чтобы слезы «вкатились» обратно.

— Надо буржуйку затопить...

— Что? Что ты говоришь, Лида? Ты понимаешь, что папы нет? Ты просто какая-то... бессердечная, ты черствая!

— Я попробую разругать тумбочку...

И дальше раздалась рыдания. Обеих. Нюра покачала головой, прислонясь к стенному проему между их дверями. Расстегнула длинную кофту из бурой фланели, которую почему-то в их квартире называли пыжом, и погладила свой округлившийся живот.

— Ну что, Борька, есть хочешь? Ну, пойдем, пойдем, покормлю. — И пошлепала к себе в комнату.

За стенкой безутешно плакали сестры.

ОДУВАНЧИК

— А ты эту песню не пой, — сказала толстая Зина.

— Почему? — спросила Лида.

— Ты же не пионерка! А там про «мы — пионеры, дети рабочих».

— Ну и что? У нас не принимали.

— Врешь! Всегда принимали. Ты, наверное, плохо учишься.

— Я хорошо учусь, — возразила Лида.

— Да? — ухмыльнулась Зина. — В двенадцать лет только в четвертый класс перешла. Второгодница.

— Лида с мамой год на оборонных работах была, — вмешалась подруга Тамара. — И двенадцать ей только в конце августа будет. А ты... а ты...

— А ты тоже не пой эту песню, — подал из-за их спин голос Вова Петров, — ты «не дети рабочих».

— Как это? — искренне удивилась Зина.

— А так. Рабочие — это те, которые у станка работают, а твоя мама на кухне варит.

Зинка заморгала, потом выпятила губу, тряхнула косичками:

— Вот скажу маме, пусть она тебе кучу соли в тарелку положит. И перцу. Вот поешь тогда. Утконос несчастный!

— Не положит, — тихо произнес Петров. — Это... вредительство. Тогда ее уволят.

— Ах, уволят, — разошлась Зинка. — Вот и оставайтесь без повара. Снова голодайте.

За это «снова голодайте» Лида готова была Зинку исколотить. Она уже подалась вперед, сжав кулаки, но Тома ее удержала, а Петров встал между ней и Зинкой.

— Иди отсюда! Пошла!

Зинка еще больше выпятила губу, фыркнула.

— Да и пожалуйста, очень надо! — и, скорчив рожу, уходя, крикнула: — Петров — утконос!

— Ага, как же, положит она перцу. Ей и перцу жалко. Суп нам разливает, а у самой руки трясутся. От жадности... — сказала Тома. — Я у нее горчички попросила — хлебушек намазать, так не дала.

— А чего ты, Петров, влез? — возмутилась Лида. — И без тебя разобрались бы.

Вова Петров, высокий, с худенькой шеей, на которую была посажена белобрысая голова, всегда давал отпор приставучей Зине. Утконосом она его прозвала вовсе не потому, что знала о таком австралийском животном. Нос у Петрова был длинный, на конце немного приплюснутый. О таком обычно говорят: нос уточкой. Утиный нос. Поэтому и утконос. Когда Петров улыбался, то нос морщился, слегка собирая кожу, и тогда обнажались неровные, цинготные зубы. Было у Петрова и другое прозвище. Анна Никифоровна называла его Одуванчиком за то, что Вовкины белесые волосы непослушно торчали в разные стороны. Виски были почти оголены до макушки, а посередине, спускаясь на лоб, росла смешная «куртинка» из волос, которые также торчали в разные стороны. Когда Петров смущался, волновался или нервничал, он запускал в эту куртинку палец, наматывая на него волосы, отчего надо лбом появлялся спутанный комочек.

Петров был спокойным мальчиком. Такие мальчики всегда на радость воспитателю. В отличие от других ребят, которые постоянно устраивали бои подушками, разбивали носы и колени, царапали локти — отчего и ходили все в зеленке. Поиздеваться над таким смирным мальчиком, как Петров, казалось мальчишкам милым делом. Однажды ночью ему связали ноги шнурками, вынутыми из его теннисок, и привязали к металлическим столбикам кроватной стенки. Утром, когда закричат «Подъем!», Петров не вскочит с кровати, а шмякнется с нее, разбив нос. Однако затея не удалась. Одуванчик проснулся раньше, захотелось сходить «на ведро», а чтобы не разбудить ребят, тихонько начал подниматься с постели, обнаружил себя привязанным, распутал шнурки и сунул их в тенниски.

После команды «подъем» мальчишки заговорщически смотрели друг на друга. Петров как ни в чем не бывало встал с кровати, натянул рубашку со штанами, достал из теннисок шнурки и начал их вдевать в дырочки. На лицах ребят было явное разочарование, а Петров только сморщил нос, обнажив десну в улыбке. Ябедничать не станет, поняли мальчишки. И Одуванчика больше не трогали.

Петров всегда находился если не рядом с девочками, то поблизости. Не надоедал, не мелькал. Зато всегда можно было ему крикнуть:

— Вовка-Петровка, сбегай узнай, сколько времени.

Или:

— Вовка-морковка, сгоняй посмотри, какой суп на обед.

Правда, на «морковку» он немного обижался, даже огрызался: «Сами сгоняйте», но все же просьбу выполнял, возвращался и торжественно сообщал:

— Гороховый!

— А на второе что? Не посмотрел? Эх ты, Вовка-морковка!

Морщил нос и обиженно оправдывался, мол, сами не просили.

— Эй, Петров, ты нарочно сказал, что Зинка «не дети рабочих»? — спросила Тома.

Петров дернул острым плечом: то ли «не знаю», то ли «так вышло».

— Знаешь что, Лида... — понизив голос, сказала Тома. — А ты, Петров, иди отсюда... — Петров остался стоять на месте, а девочки пошагали секретничать: — Зна-

еще что, Лида, а Зинкина мама здесь просто отъедается, — и совсем тихо: — Она же беременная.

Лида знала, что это такое. У Зинки будет братик или сестричка. Чтобы они были, нужны папа и мама. Они у нее есть. А вот у тети Маруси родился в прошлом году мальчик Коля, хотя ее муж погиб еще в начале блокады. У судового механика была бронь. Как и у Лидино папы. Только все равно оба от голода умерли. Она помнила, как тетя Маруся говорила о своем голодном муже: «Сидит, смотрит-смотрит на Нинку и говорит: „Знал бы, что не моя дочка, съел бы“». О людях-людоедах в блокадном Ленинграде любила в палате перед сном рассказывать Зинка. Девочки затыкали уши руками, прятали головы под подушку, даже плакали, а Зинке очень нравилось, что боются. Откуда она приехала с родителями, никто из детей не знал. Отец ее стал председателем завкома завода вместо прежнего, погибшего. Что это за должность, Лида плохо представляла, но Зинка всегда кичилась своим папой и угрожала ей: вот скажу папе, он твою маму уволит с завода. Лида поначалу тряслась за маму, потому что стычки с Зинкой были частыми, пока Петров однажды не сказал, что председатель завкома, наоборот, должен помогать людям, чтоб им было лучше, а не хуже. А директор все равно главнее. Зинка терпеть не могла Утконоса. Видали! Заступник какой нашелся. Вот она как скажет папе, тогда узнает, главнее или не главнее... Но побаивались Зинку только младшие девочки, она ими и верховодила.

Она была полноватой, а рядом с послеблокадными доходяжками — так даже и толстой — с отчетливо наметившимися вверху двумя бугорками.

— Заметила, как Зинка каждый раз после обеда к мамочке своей на кухню — шнырь? — спросила Тома. — И там ей еще целую порцию дают — и первое, и второе.

Лида недоверчиво отнеслась к Томиным словам об «отъедаться». Все порции готовились из карточного расчета. Ни убавить, ни прибавить. Она хорошо помнила, как покупала хлеб в 1942-м. Внимательно следила, чтобы стрелка весов намертво прирастала к делению, не колыхалась. Тогда получалась норма. Их норма — сто двадцать пять граммов. И еще надо было смотреть, чтоб по ошибке или еще по чему-нибудь продавщица не отрезала лишнего талончика с карточки. Многие брали хлеб и на завтра, и даже на послезавтра, хотя не полагалось.

— А вот так, — продолжала Тамара. — Если тебе супа недолюют во-от такусенькую капельку. И еще мне. И всем. Вот нас здесь тридцать человек...

— Тридцать один, — поправила Лида.

— Еще лучше, еще одна капелька... А еще взрослые есть. Ты эту капельку заметишь? Никто не заметит. А получится целая тарелка.

— С тридцати одной капельки? — засмеялась Лида.

— Ой, вечно ты придираешься. Ну, не капелька, а ложечка чайная... тоже не заметишь.

Лида развеселилась, представила, как суп в столовой из огромного котла разливают по тарелкам из чайной ложечки... Конечно, она не заметит этого. Суп Зинкина мама варила не очень-то вкусный, но изголодавшиеся за эти годы дети доедали его до последней капли, осушая тарелку кусочком хлеба или попросту ее вылизывая. За такое до войны всех бы стыдили, а сейчас было можно.

Зинка и вправду после обеда не пошла сразу на тихий час, а шмыгнула за угол столовой, где был вход в кухню. Ну и пусть отъедается. Жиромясокомбинат. Пром-соссиска-лимонад.

Зато на ее с Томкой тумбочке, с Лидиной стороны, лежал свернутый обрывок оберточной бумаги. Записка? Записка. Она развернула и прочитала:

«Лида!!!! Пойдем погулять после тих. часа. Владимир».

Вот глупый Петров, записки пишет. Да еще с ошибками. Лида показала записку Томе.

— Ух ты! Пойдешь? — спросила Тома.

— Вот еще, — фыркнула Лида, — и не подумаю. Тоже придумал: записки писать, так не мог сказать, что ли?

— Так не мог. Когда влюбляются, пишут записки. А Вовка-морковка влюбился. В тебя!

— Вот еще глупости! И вообще, мы же с Анной Никифоровной на озеро идем рисовать.

Анна Никифоровна была сменной воспитательницей и вела кружок рисования. Записалось, правда, только пять или шесть девчонок. Рисовали карандашами на кусках сероватой бумаги. Потом, расхрабрившись, кто-то предложил порисовать с натуры. И не просто с натуры — а человека с натуры. Но рисовать захотели все, а желающих позировать не нашлось. Хорошо, что поблизости, как всегда, находился Петров.

— Вовка-Петровка, попозируй.

Одуванчик сначала отнекивался, мотал головой, теребил свою куртинку, но Анна Никифоровна уговорила. Он встал, поставив одну ногу на принесенную табуретку. И стоял, боясь не только пошевелиться, но и дышал через раз. От усердного позирования он даже вспотел и покраснел — и волосы стали казаться совсем белыми. А вот с рисунками вышло плохо. У кого-то одна нога оказалась короче другой в два раза, вторая превратила мальчика в горбуна, а третья изогнула его по-змеиному. Рисунки натурщику не показали, только похвалили за выдержку. А девочки поняли, что рисовать с натуры им еще рано.

В тихий час детей не обязывали спать. Мальчишки у себя швырялись подушками, а девочки сидели на кроватях, шушукались, рассказывали «случаи». Как все было «на самом деле». Но чаще всего просили кого-нибудь рассказать какую-нибудь книжку или кино. Лучше всех рассказывать получалось у Лиды. Но только книжек до войны она читала немного, а вот стихи запоминала легко. И декламировать их очень любила.

Девочкам очень нравились веселые стихи про щенят Плиха и Плюха. Автора — немца Вильгельма Буша — никто не знал, а тем более неизвестен был тогда и переводчик со странной фамилией¹.

Пришла в палату, «отъевшись», Зина, пригрозила всем своим папой и велела спать. Она всегда спала в тихий час. Ей очень хотелось быть председателем совета отряда или хотя бы старостой по палате, а выбрали долговязую и тихую Надьку, которая даже на линейке не может громко крикнуть: «Отряд, равняйся! Смирно!»

Девочки зашикали на Зину. Спи, мол, кто тебе не дает. А нам не мешай слушать.

— Лида, давай про фрица.

Стихотворение на странице какого-то журнала, который Лида подобрала в разбомбленном доме напротив. Туда она, несмотря на ограждения, часто ходила собирать обломки дранки или куски паркета для растопки.

На деревне все уснули,
Улеглись и стар, и мал.
Фриц стоял на карауле,
О курятине мечтал.

А дальше привлеченный криком петуха фриц поспешил в курятник, но нарвался на нашего разведчика.

¹ Стихотворение Вильгельма Буша «Плюх и Плих». Перевод Даниила Хармса.

О курятине мечтал он,
А попал, как кур во щи².

Девочки хихикали. Так и надо этому глупому фрицу!

Когда после тихого часа они вышли из дачи, Петров уже стоял около крыльца и вопросительно смотрел на Лиду. Она подошла.

— Вот что, Петров, — сказала Лида, — во-первых, «ча-ша» пишется с буквой «А».

Петров моргнул и немного подтянул морщинки на носу.

— Во-вторых, ты даже свое имя написать правильно не можешь!

— Я правильно пишу свое имя. У меня так в метрике записано, — сказал он. — Пойдем погуляем, а? — он отчаянно затеребил свою «куртинку» на голове

— За территорию?

— Да, я знаю, где пройти.

— Тебя тогда за нарушение из лагеря выгонят, Петров. А лично я не хочу, чтоб меня выгнали.

— Пойдем, здесь недалеко, я тебе черничные места покажу. Знаешь, там какая черника?! Во какая, — он сделал кружок из указательного и большого пальцев, потом зачем-то его поднес к глазу и посмотрел через кружок на Лиду. — Пойдем, — просительно повторил он, и нос его опять дернулся.

— Не пой-ду! — отчеканила Лида.

— Тогда я тебе черники принесу, ладно? — тихо спросил Петров.

— Да ну тебя, — Лида отмахнулась и побежала догонять ожидавшую ее Тамару и девочек.

— Я принесу тебе, — еще тише сказал ей вслед Одуванчик. — Черника там крупная...

Вшестером шагали на озеро — девочки и Анна Никифоровна. Идти было неблизко. Все дружно пели. Сначала про буль-буль-буль-баклажечку, ставшую из юнкерской и скаутской песней пионерской. А потом пели «Взвейтесь кострами, синие ночи». И Лида пела громче всех, потому что рядом не было противной Зинки. И Анна Никифоровна тоже вместе с ними пела, а она ведь тоже не пионерка.

На берегу все расселись на траве. Анна Никифоровна раздала каждой по листу с неровными краями и плотной картонке — планшетке, как она называла. Карандашей, кисточек хватало, а вот красок — всего одна коробка. И с бумагой было туго. Анна Никифоровна предложила нарисовать кусочек озера — с солнцем, собирающимся на закат, с влезшим в воду ивняком, с неровным, в клочках травы, берегом.

Лида считала, что она рисует хорошо, но когда Анна Никифоровна показала, как надо рисовать акварелью, Лида загрузила. Краски набегали одна на другую, часто меняли цвет уже нарисованного. Серый становился желтым, зеленый превращался в синий. Вышла мазня. И у всех вышла мазня. Только Анна Никифоровна всех хвалила и сказала, что у Нади и Лиды хорошее чувство цвета, а у остальных девочек удачно соблюдены пропорции.

— А давайте теперь послушаем тишину, — сказала Анна Никифоровна, когда с рисованием было покончено.

Все расселись поудобнее, стали слушать тишину, хотя назойливо жужжали какие-то насекомые и иногда от воды доносилось какое-то бульканье. Возможно, рыба ловила муху, слишком низко пролетающую над водой. Но все же это была тишина. Не слышно больше разрывов снарядов, не звучит продирающая тебя насквозь воздушная си-

² Стихотворение Сергея Швецова «Как достали „языка“ при помощи „петуха“» было опубликовано в журнале «Крокодил» № 34 за 1942 год.

рена. Снята блокада — и кажется, что все окончено. Вот и они отдыхают в заводском лагере. Их кормят, о них заботятся. И никто их не тронет... А война идет, еще идет. И совсем недавно погиб на фронте дядя Саша, мамин брат. Последний мужчина из немногочисленной Лидиной родни.

Девочки молчали, каждая вспоминала свое. И Анна Никифоровна тоже молчала, смотрела куда-то далеко, в озерную даль.

Молчание нарушила Тома. Укусил слепень.

— Ай!.. Анна Никифоровна, а пусть Лида стихи почитает.

— Пусть, пусть, — попросили девочки, а уговаривать Лиду не надо было. Только веселые стихи сейчас не годятся, подумала она.

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн.
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен.
Стали допрашивать первого.
Долго пытали его —
Умер товарищ замученный
И не сказал ничего³.

Стихотворение было написано во время гражданской войны в Испании, но слово «фашист» связывалось сейчас (да и долго еще будет связываться) только с нынешней войной, с немцами.

Лида закончила. Кто-то из девочек всхлипнул. Кто-то шмыгал носом. Они помолчали опять. Здесь тихо, тепло и солнечно. Они в безопасности. Их защитили. Они выдержали. Подумаешь, какие-то слепни...

— Ой, девочки, как бы нам не опоздать к ужину, — спохватилась Анна Никифоровна. Часов ни у кого не было. А по солнцу ориентироваться не умели.

Идти назад было тяжелее. Девочкам, разомлевшим от солнца, уже не пелось.

Пришли. Не опоздали.

— Ой, Утконос на mine подорвался, — выбежала навстречу им Зинка.

Известие оглушило всех.

— Там, за столовой, его грузят. В больницу повезут, — чеканила Зинка. — За территорию пошел. Вот говорят-говорят: не ходите за территорию, не ходите за территорию. Так нет, вот ведь Утконос!

Может, от такого сообщения у кого-то подкосились ноги, но Лиду и Тому ноги понесли туда, куда сказала Зинка. За столовой стоял небольшой грузовичок, привозивший в лагерь продукты. Кузов был открыт, и Лида увидела лежащего на каком-то одеяльце Петрова. Рядом стояла завхозиха, а фельдшерица накидывала на живот Петрова простыню. Простыня сразу стала красной, и под ней что-то шевелилось.

Взрослые попробовали отогнать ребят, но как-то вяло. Все остались на месте.

— Кишки разорвало, — услышала Лида. — В черничнике на мину наступил.

Тома подала голос — как щенячий вой. Лида повернулась и закрыла ей рот ладонью. Тамара прижалась, спрятала лицо на Лидином плече. Обои била сильная дрожь.

На оборонных работах под Синявином Лида видела смерть. И кровь. И страшные оторванные конечности. Она стояла и смотрела на Петрова. Он был жив, но тяжело дышал, отчего под простыней шевелилось все сильнее. Лида сделала шаг вперед,

³ Стихотворение Сергея Михалкова «Три товарища» написано в 1937 году.

освободившись от Тамары, потом почему-то соединила указательный и большой пальцы в кружок и поднесла к глазу. Так, как смотрел на нее сегодня Петров. И вдруг, как через увеличительное стекло, лицо Петрова приблизилось. Его глаза были полуоткрыты, веки подрагивали. Но он никого не видел. Рот был также наполовину открыт. А губы были очерчены четко — тонкие и синие, почти черные. Черники наелся, подумала Лида. Черники... Но на Лидиных глазах лицо Петрова становилось, как и губы, синим, серо-синим, черным. Внезапно лицо его дернулось, нос сморщился, как бывало, а губы, освободив верхнюю десну, разъехались. Петров улыбнулся страшной улыбкой. Последней. Смертельной.

— Поднимай же борт, поднимай, — закричала завхозиха шоферу и на виду у всех перекрестилась.

Кто-то тронул Лиду за плечо. Анна Никифоровна.

— Улетел наш Одуванчик, — едва слышно сказала она.

Тамара, уткнувшись в воспитательницу, всхлипывала.

— Пойдем, Лидуша, — сказала Анна Никифоровна.

Фельдшерица села в кабину к шоферу. Грузовик зафырчал, медленно поехал к открытым воротам и выехал из лагеря, увозя навсегда Вовку Петрова. Дети и взрослые стали расходиться. А Лида все еще стояла и смотрела вслед. В кузове грузовика она увидела то, на что другие просто не обратили внимания. Там в откинутой руке, в сжатом судорогой Вовкином кулаке были черничные кустики. Букетик — весь в раздавленных и повисших ошметками ягодах. Синих-синих, почти черных. Как Вовкины губы.